
Профессионализация советского спорта в условиях холодной войны (1946—1959)

Елена Зубкова, Александр Куприянов

Professionalization of Soviet sports in the Cold War (1946—1959)

Elena Zubkova, Aleksandr Kupriianov

(both — Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870008281-0

В последние годы проблема истории холодной войны находится в центре внимания мировой историографии, в том числе посвящённой спорту¹. Однако зарубежные исследователи истории советского спорта изучали в основном вопросы, связанные со вступлением Советского Союза в мировое олимпийское движение, с организованными США и СССР бойкотами XXII и XXIII летних Олимпиад: Москва (10 июля — 3 августа 1980 г.), Лос-Анджелес (28 июля — 12 августа 1984 г.). Редким исключением оказался международный проект «Глобальная история спорта в годы холодной войны» («The Global History of Sport in the Cold War»). В рамках проекта было проведено несколько конференций, а в 2019 г. вышел сборник статей и эссе², авторы которых рассмотрели проблему спорта в социальном, политическом, дипломатическом и культурном аспектах. В сборнике рассмотрен ряд новых проблем истории советского спорта в годы холодной войны: использование достижений футбольной команды «Динамо» Тбилиси разными политическими силами; зарождение движения футбольных фанатов в Москве; роль визита 1971 г. А.Н. Косыгина в Северную Америку в принятии решения о проведении серии встреч между канадскими «профессионалами» и советскими «любителями». В начале 1990-х гг. в России были рассекречены многие документы, и исследователи получили доступ к советским партийным архивам, что позволило по-новому взглянуть на проводившуюся в сфере спорта государственную политику. М.Ю. Прокуменщиков³ впервые на основе широкого круга архивных источников рассмотрел проблему использования «большого спорта» в качестве мощного идеологического оружия в противостоянии двух политических систем и проанализировал соответствующую деятельность советского руководства. Тема влияния холодной войны на спорт высших достижений затрагивается в статье С.С. Дементьева⁴, охарактеризовав-

© 2020 г. Е.Ю. Зубкова, А.И. Куприянов

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00647.

¹ East Plays West: Sport and the Cold War / Ed. by S. Wagg, D.L. Andrews. N.Y., 2007; *Sarantakes N.E.* Dropping the Torch: Jimmy Carter, the Olympic Boycott, and the Cold War. N.Y., 2011; *Parks J.* The Olympic Games, the Soviet Sports Bureaucracy, and the Cold War: Red Sport, Red Tape. Lanham (Maryland), 2017.

² The Whole World Was Watching: Sport in the Cold War / Ed. by R. Edelman, C. Young. Stanford, 2019.

³ Прокуменщиков М.Ю. Большой спорт и большая политика. М., 2004.

⁴ Дементьев С.С. «Холодная война»: роль хоккейного противостояния в отношениях СССР, Канады и США // Вестник МГОУ. Сер. История и политические науки. 2012. № 2. С. 73—78.

шего советско-североамериканское хоккейное противостояние 1972—1991 гг. Заслуживают внимания и дальнейшей разработки исследовательские проблемы, поднятые М. О'Махоуни, который обратил внимание на изменение репрезентаций спорта, включая гендерные аспекты, в советской визуальной культуре после начала холодной войны⁵.

В целом многие существенные вопросы заявленной темы пока не изучены ни российскими⁶, ни зарубежными исследователями. Проблема профессионализации спорта в СССР представлена лишь на примере футбола, где этот процесс начался ещё в 1930-х гг.⁷ Как обстояло дело с признанием занятий спортсменами не делом физкультурников-любителей, а мастеров, получавших вознаграждение за свой труд в других видах спорта, ещё предстоит выяснить.

Данная статья посвящена перипетиям становления профессии спортсмена в период холодной войны. В связи с общей периодизацией последней, а также структурной реорганизацией управления спортом в Советском Союзе выбраны и хронологические рамки исследования. 1946 г. — обострение противостояния капиталистической и социалистической систем, 1959 г. — пик «оттепели» в международных отношениях (американская выставка в Сокольниках, визит главы СССР Н.С. Хрущёва в Америку); тогда же в русле общего курса советского лидера на усиление роли общественных организаций по мере «продвижения к коммунизму» руководство спортом из Комитета по физической культуре и спорту при Совете министров СССР (Спорткомитета) было передано Союзу спортивных обществ и организаций СССР.

До Второй мировой и Великой Отечественной войн спорт рассматривался с идеологических позиций. У «них» (в странах Запада) он был буржуазным (с профессиональными атлетами, элитарностью, коммерциализацией, рекордоманией и прочими пороками), у «нас» (в СССР) — неким эталоном массового физкультурного движения для трудящихся⁸, в любой момент готовых встретить врага (отсюда — особое внимание партии и правительства к военно-прикладным видам спорта).

По окончании войн в условиях создания нового пространства возможностей для развития международных контактов руководители советского спорта стремились поднять его (и собственный) международный престиж. Они заявили о необходимости повышения роли Комитета по физической культуре и спорту при СНК СССР, прежде всего в расширении его компетенции в сфере международных связей, уже в конце войны. Председатель комитета В.В. Снегов в письме первому заместителю председателя СНК В.М. Молотову 15 февраля 1945 г. просил командировать четверых-пятерых руководителей советского спорта в США, Канаду, Англию и Францию, чтобы понять особенности его развития и наладить контакты с главами спортивных организаций.

⁵ О'Махоуни М. Спорт в СССР: визуальная культура — физическая культура. М., 2010.

⁶ Баишев Н.И. Спортивная повседневность в СССР как историографическая проблема // Теория и практика общественного развития. 2015. № 10. С. 153.

⁷ Бутков С.В. Развитие советского футбола в 1921—1941 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2007; Эдельман Р. Серьёзная забава. История зрелищного спорта в СССР. М., 2008.

⁸ Поэтическим отражением этого подхода к буржуазному и советскому спорту стали стихи юного Е. Евтушенко: «Под грохот трещоток дробный, / В залах, где воздух спёрт, / Ломаются руки и рёбра — / И это у них спорт!.. / А наш спорт вошёл в будни, / Любят его везде. / Спорт — это верный спутник, / Лучший помощник в труде» (Евтушенко Е. Два спорта // Советский спорт. 1949. 2 июня).

Обосновывалась эта просьба тем, что за рубежом спорт имел «значение крупного внутривнутриполитического и внешнеполитического фактора. Это в значительной степени предreshает оживлённые международные спортивные сношения советских спортсменов с зарубежными... если качественные результаты выступлений советских спортсменов будут соответствовать международному весу и авторитету СССР»⁹.

В более общей и значимой форме новую политику Спорткомитета Снегов обосновал в записке заместителю наркома иностранных дел СССР И.М. Майскому от 19 марта 1945 г. Ссылаясь на беседы начальника международного отдела Спорткомитета Непомнящего с заведующими отделами НКВД СССР, когда «последние указывали на необходимость готовиться к участию в международных соревнованиях», Снегов подчёркивал, что комитет «не имеет возможности вступить непосредственно в контакт с международными спортивными организациями самостоятельно». Эта просьба иллюстрирует изоляцию, в которой находился советский спорт в 1920-х — первой половине 1940-х гг. из-за общей политики большевистского руководства. В записке предлагалось покончить с этой ненормальной ситуацией и через посольство СССР в Лондоне уведомить все находившиеся там международные спортивные организации о возможности непосредственного контакта с советским Спорткомитетом¹⁰.

Вклад Советского Союза в победу над фашизмом был неоспорим (страна вошла в разряд великих держав), и это осознание возросшего влияния государства на международной арене привело к переосмыслению роли спорта высших достижений в первой стране социализма, преимущества которого требовалось продемонстрировать всему миру. Выполнить эту задачу можно было либо довоенным путём (тогда советские спортсмены встречались с соперниками из пролетарских физкультурных организаций и атлетами из стран Востока — Турции, Ирана), либо, резко подняв уровень спорта высших достижений, стать конкурентоспособными в соревнованиях с ведущими европейскими и американскими странами. Второй путь неизбежно предполагал перевод спорта высших достижений на профессиональную основу. В СССР ещё до войны так развивался лишь футбол — самый популярный вид спорта. В тех условиях только в нём, хотя бы в основном, компенсировались затраты на организацию соревнований и выплату зарплат спортсменам и тренерам.

Расширение международных спортивных связей «подталкивало» к профессионализации всех видов спорта, входивших в программы Олимпийских игр. Поскольку официально в них участвовали только спортсмены-любители, при точном соблюдении соответствующих правил советские атлеты не имели бы возможности доминировать на международных стартах, следовательно, требовалась профессионализация спортсменов. Практики содержания на окладе мастеров спорта были широко распространены с довоенных времён, но они имели неофициальный, несанкционированный верховной властью характер. Ни в правительстве, ни в ЦК ВКП(б) на эту закулисную сторону советского спорта не обращали внимания. Однако ею заинтересовались бюрократы от комсомола, который лишь помогал профсоюзам в организации массового спорта, занимаясь идеологическим воспитанием советской молодёжи. Комсомольские чиновники во главе с секретарем ЦК ВЛКСМ Н.А. Михайловым настойчиво

⁹ ГА РФ, ф. 7576, оп. 29, л. 9, л. 24.

¹⁰ Там же, л. 38—38 об.

поднимали тему незаконных выплат спортсменам и различных отступлений последних от норм социалистической морали. Комсомольское руководство фактически развернуло борьбу под лозунгом: «Нет буржуазным нравам в советском спорте». Председатель Спорткомитета Н.Н. Романов (к тому времени сменивший Снегова) послушно шёл вслед за своим недавним комсомольским лидером, продолжая критиковать в том же духе руководителей спортивных организаций. Итогом слаженной работы этого «дуэта» стала их совместная записка о крупных недостатках в работе добровольного спортивного общества (ДСО) «Динамо», направленная 12 ноября 1946 г. секретарям ЦК А.А. Жданову, А.А. Кузнецову, Н.С. Патоличеву, Г.М. Попову и министру внутренних дел СССР С.Н. Круглову: «Считаем необходимым доложить Вам, что в спортивное общество “Динамо” проникли буржуазные, чуждые советскому спорту нравы. Многие спортсмены “Динамо” нигде не работают, стоят вне общественно-политической жизни страны, оторваны от низовых физкультурных коллективов. В спортивном обществе получила широкое распространение практика содержания спортсменов на различных фиктивных должностях, незаконная выплата им денежных средств»¹¹.

Разумеется, аналогичные явления наблюдались и в других ДСО, но объектом нападков по конъюнктурным соображениям сделали «Динамо». Уместно напомнить о том, что эта записка была составлена в непростое для СССР, как и для других стран Европы, время. С одной стороны, огромные трудности восстановления разрушенного войной народного хозяйства, массовая демобилизация, дефицит пригодных для проживания площадей, нехватка продуктов питания, карточная система, бедность большинства населения, с другой — холодная война, начавшаяся после речи У. Черчилля в Фултоне и ответа И.В. Сталина на вопросы корреспондента газеты «Правда». Логика этой войны в условиях авторитарного Советского государства (как и в некоторых демократических странах, например, в США) неизбежно требовала «охоты на ведьм». В Советском Союзе она началась с интеллигенции и представляла собой идеологические кампании, проходившие под лозунгом борьбы с «низкопоклонством перед Западом». 14 августа 1946 г. вышло партийное постановление «О журналах “Звезда” и “Ленинград”»; 26 августа — «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», 4 сентября — «О кинофильме “Большая жизнь”».

В «охоту на ведьм» активно включились лидеры ВЛКСМ, к которым примкнули и спортивные функционеры. Так, Михайлов и Романов выступили со следующими политическими обвинениями: «Мы считаем, что руководители спортивного общества “Динамо”, прибегая к методам *отрыва мастеров спорта от их основных занятий, превращения их в профессиональных спортсменов* (здесь и далее курсив мой. — А.К.), по существу способствуют проникновению в среду... нравов буржуазного спорта, что уводит спортсменов в сторону от общественно-политической жизни, способствует процветанию пошлой буржуазной морали среди некоторых из них»¹².

Впрочем, конфликтовать с председателем этого ДСО генерал-полковником А.Н. Аполлоновым (Боголюбовым), занимавшим должность заместителя министра внутренних дел, они не рискнули, сделав главным объектом критики

¹¹ Там же, д. 12, л. 128.

¹² Там же, л. 130.

заместителя председателя центрального совета (ЦС) «Динамо» Т.А. Бирюкова. Он якобы «забыл, что аполитичность “спорт для спорта” чужда нашему физкультурному движению... что наш спорт является средством воспитания советских людей и в особенности молодёжи»¹³. Аполлонов же, признав отмеченные недостатки во время состоявшейся в ЦК ВЛКСМ беседе, остался на своём посту, став вскоре преемником Романова — председателем Спорткомитета. Судя по тому, что после ухода Аполлонова Бирюков стал председателем ЦС «Динамо», к нему тоже не были применены серьёзные санкции. Таким образом, «охота на ведьм» трансформировалась в «охоту на волков», которая не удалась из-за того, что её объект оказался слишком силён для «загонщиков» и ушёл за «флажки».

Между тем холодная война, как это ни парадоксально, привела к расширению международных спортивных контактов. Очевидно, имело место наложение двух процессов: инерции союзнических отношений периода войны и начавшейся конфронтацией СССР с США, Великобританией и Канадой. Противостояние неизбежно должно было затронуть различные сферы общественной жизни: литературу, театр, музыку, кинематограф, спорт. Именно в спорте наглядно и наиболее убедительно можно было показать преимущество той или иной страны. Однако задача подготовки спортсменов СССР к международным соревнованиям противоречила целям идеологических кампаний, направленных на дисциплинирование советского человека¹⁴. Этим и объясняются противоречивые государственные решения, принятые в 1946—1947 гг. в области спорта. С одной стороны, осуждались «незаконные выплаты» спортсменам, их «роскошный» по сравнению с обычными гражданами образ жизни, нескромное поведение, с другой — шёл процесс профессионализации спорта, и, согласно секретным постановлениям партии и правительства, ведущие спортсмены за успехи в соревнованиях и установление рекордов получали материальное вознаграждение в виде солидных персональных окладов и внушительных премий.

Общение спортивных функционеров с партийными и комсомольскими работниками не было односторонним. О необходимости введения «окладов» для членов сборных команд СССР Романов смог убедить не только Михайлова, но и босса советских профсоюзов В.В. Кузнецова. 25 ноября 1946 г. эти чиновники направили заместителям председателя Совета министров СССР К.Е. Ворошилову, Л.П. Берии и секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову соответствующую записку. В ней, в частности, отмечалось, что «мастера спорта, числясь на той или иной должности, фактически не работают». Всех мастеров спорта (1 580 человек) предлагалось разделить на две группы: «спортсменов, не имеющих серьёзных достижений и могущих с успехом совмещать свою спортивную деятельность с работой на производстве или в спортивных организациях», и «выдающихся мастеров спорта, входящих в сборные команды, являющихся чемпионами и рекордсменами СССР». Представителей первой группы предлагалось отправить «на производство» или использовать в качестве тренеров и инструкторов физкультуры, второй (475 спортсменов, 30% мастеров

¹³ Там же, л. 130—131.

¹⁴ *Зубкова Е.Ю.* Советское послевоенное общество: политика и повседневность. 1945—1953 гг. М., 1999; *Кимерлинг А.С.* Выполнять и лукавить. Политические кампании поздней сталинской эпохи. М., 2017; *Тихонов В.В.* Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х—1953 г.). М., 2016.

спорта страны, «защищающих престиж советского спорта в международных соревнованиях») — считали нецелесообразным «определять на производство». Заботу о членах сборных, по мнению авторов записки, следовало узаконить в «государственном порядке», «создав им необходимые условия для усиленной тренировки и совершенствования, чтобы обеспечить более быстрый рост спортивных достижений в СССР и необходимую подготовку спортсменов к выступлениям на международных соревнованиях»¹⁵.

В подписанном Романовым секретном приказе по Спорткомитету от 31 декабря 1947 г. тренировки и соревнования элитных спортсменов (членов и кандидатов в сборные команды СССР) были признаны «работой». Называя негативные явления, проявившиеся при выдаче окладов через советы спортивных обществ (недостаток средств на местах, несвоевременные выплаты, нарушение секретности), председатель Спорткомитета констатировал: «Всё это приводит к тому, что лучшим спортсменам не создаются необходимые условия для работы»¹⁶. Однако таковой признавались занятия спортом пока лишь в рамках спортивного ведомства, так как ни в ЦК, ни в Совете министров СССР не был утверждён новый статус мастеров спорта.

Введение персональных и штатно-должностных окладов для спортсменов в 1947 г. стало важным шагом на пути признания за ними профессионального статуса: кроме денежного содержания впервые были оговорены их права и обязанности. В 1950 г. Аполлонов (как председатель Спорткомитета) информировал Ворошилова, что «основными обязанностями каждого из спортсменов, зачисляемых в штаты, установлено: ведение систематической тренировки в целях повышения спортивно-технических достижений, повышение образовательного уровня (учёба, по преимуществу в одном из физкультурных учебных заведений) и передача своего спортивного опыта молодёжи»¹⁷.

Согласно стенограмме совещания у секретаря ЦК ВКП(б) М.А. Сулова (апрель 1948 г.) руководители Спорткомитета, выбивая для спортсменов штатные ставки (по традиции второй половины 1930-х гг. именуемые «спортивные стипендии») и продвигая процесс признания их труда профессиональным занятием, вынуждены были придерживаться официальной риторики, подыгрывая высшему начальству. Процесс легализации спортивного профессионализма вызывал недовольство секретарей ЦК ВЛКСМ, а также представителей среднего звена номенклатуры из Совета министров и ЦК ВКП(б) (КПСС) — бюрократического фильтра между Спорткомитетом и верховной властью. К тому же в ЦК партии спорт курировали в основном далёкие от него сотрудники управления пропаганды и агитации. Руководство Спорткомитета время от времени убеждало своё начальство в отсутствии в СССР профессиональных спортсменов: «Растущий уровень спорта требует упорной работы над повышением достижений. Участники сборных команд в течение трёх-четырёх лет, когда им удаётся достичь и поддерживать наиболее высокие результаты для выступления на международных соревнованиях, нуждаются на это время в освобождении от работы. Таким образом, *персональный оклад спортсмена — не профессиональный*

¹⁵ ГА РФ, ф. 7576, оп. 29, д. 12, л. 132—133.

¹⁶ Там же, д. 15, л. 188.

¹⁷ Там же, д. 57, л. 35.

заработок, а необходимый на время пребывания в сборной команде страны источник, возмещающий заработную плату»¹⁸.

Что на самом деле имели в виду руководители советского спорта, делая такой вывод, достоверно установить невозможно. Пытались ли они своими уверениями обмануть советскую партийно-комсомольскую номенклатуру или же верили в то, что говорили? Вероятно, одни из них искренне считали, что спорт не является профессией, поскольку ежегодно после чемпионатов СССР Спорткомитет утверждал должностные оклады, производя ротацию атлетов, которые после окончания выступления за сборную или за клуб меняли сферу деятельности. Думається, таких наивных дилетантов было немного. Большинство составляли те, кто имели собственное спортивное прошлое или много общались со спортсменами, тренерами в неформальной обстановке, понимая, что утверждение об отсутствии профессионального спорта в СССР есть не что иное, как лукавство. Отстояв смену у станка, человек не мог по вечерам проводить многочасовые интенсивные тренировки, позволявшие ему совершенствовать своё спортивное мастерство. Тем более что в эти годы постепенно утверждался другой алгоритм тренировок: два занятия в день, что позволяло увеличить интенсивность физических нагрузок спортсмена.

Партийно-государственное руководство СССР утверждало всё в спортивной сфере (от штатного расписания команд до размеров суточных выезжавших в ту или иную страну атлетов, тренеров, чиновников). Однако в её повседневные проблемы оно, обременённое многочисленными обязанностями, не вникало, его интересовала лишь целесообразность участия советских спортсменов в международных стартах, а также воспитательное значение спорта. Между спортивными функционерами и властью словно существовала негласная «конвенция»: первые «честно» заявляли, что профессионального спорта в стране нет, вторые делали вид, что этому верят. Руководство Спорткомитета иногда пыталось ненавязчиво донести до советских вождей информацию (в том числе с помощью обзоров зарубежной прессы), что на Западе советский спорт всё равно считают профессиональным, что не такой уж большой порок. В этой связи особым подарком для Спорткомитета в канун подготовки к XV Олимпийским играм в Хельсинки (19 июля — 3 августа 1952 г.) стало письмо в «Таймс» (перепечатанное бельгийской газетой «Ле спор») первого заместителя Верховного главнокомандующего Объединёнными силами НАТО в Европе британского фельдмаршала Б.Л. Монтгомери. Он призвал сделать игры открытыми для всех сильнейших спортсменов без различия их статуса — для любителей и профессионалов. Констатируя, что в СССР нет и не может быть любительского спорта, Монтгомери приветствовал решение Международного олимпийского комитета (МОК) допустить советских атлетов на Олимпийские игры как важный шаг, способствующий сближению Востока и Запада, «чтобы помешать нам встретиться на поле битвы»¹⁹.

Отмечу, что обстановка холодной войны не сразу сказалась на политической линии и риторике руководителей Спорткомитета относительно спорта высших достижений. Во второй половине 1940-х гг. спортивные боссы обосновывали актуальность предоставления окладов выдающимся мастерам и членам (кандидатам) в сборную СССР «производственной необходимостью» —

¹⁸ Там же, д. 204, л. 39—40.

¹⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 571, л. 91—93.

созданием условий для успешной подготовки к международным стартам, а также пропагандистским значением советских побед в любых соревнованиях вне зависимости от их масштаба и силы соперников. В процессе подготовки к Олимпийским играм 1952 и особенно 1956 гг. руководители Спорткомитета мотивировали выделение дополнительных ставок для спортсменов и тренеров противостоянием с западными странами, прежде всего с США. Так, в записке Министерства здравоохранения СССР (Спорткомитет был в его составе в 1953 г. — начале 1954 г.) председателю Совета министров СССР Г.М. Маленкову указывалось: «В капиталистических странах, особенно в США, буржуазные спортивные организации широко практикуют создание команд по видам спорта при высших учебных заведениях, которые содержат на специальной оплате... В настоящее время спортивные организации США принимают дополнительные меры по вербовке высококвалифицированных спортсменов в американские команды, организуя переезды лучших спортсменов и тренеров Европы и Азии в США. Всё это делается с одной целью, чтобы не допустить победы советских спортсменов на мировых первенствах»²⁰.

Воспользоваться практикой «натурализации» спортсменов из других стран в те годы было абсолютно невозможно. Однако упоминание об особенностях подготовки к Олимпийским играм в США позволяло поставить вопрос о том, чтобы партия и правительство СССР сделали всё возможное для появления в стране высококлассных спортсменов (предоставило стадионы, деньги, инвентарь, медико-фармакологическое обеспечение и т.д.). Романов (с 1951 г. — вновь руководитель Спорткомитета) так обусловил направленную в ноябре 1955 г. в Совет министров СССР просьбу о «дополнительных ставках»: «Чтобы обеспечить подготовку своих спортсменов к Олимпиаде, правительство США возложило эту работу на военное ведомство, которое собирает лучших спортсменов в армию, где они кроме спортивной подготовки ничем не занимаются. Кроме того, в США имеются сотни профессиональных команд по хоккею, баскетболу, а спортсмены — легкоатлеты, пловцы, штангисты, боксёры и по другим видам спорта содержатся в массовом количестве на специальной оплате в колледжах и других учебных заведениях. По этому же пути сейчас идут в Англии, Франции, Швеции и других странах»²¹.

Аргументация главы Спорткомитета выдержана в «лучших» традициях советской пропаганды, когда факты беззастенчиво смешивались с откровенной ложью. Число профессиональных команд по баскетболу и хоккею было завышено на порядок (вместо реальных «десятков» команд — «сотни»), а главное, Романов прекрасно знал, что ни НБА, ни НХЛ не отправили бы своих игроков ни на Олимпийские игры, ни на чемпионаты мира. Да и игроки профессиональных лиг не могли в те годы участвовать в Олимпийских играх из-за жёсткого определения статуса «любительства». Однако Романов намеренно искажил информацию (надеясь, что в Совете министров не обратят на это внимания) ради благой цели — «обеспокоить» вождей спортивной мощью США, чтобы «выбить» дополнительные ставки для спортсменов и тренеров.

Со временем у спортивных чиновников появился и другой аргумент: «В странах народной демократии сборные команды по видам спорта находятся на государственном обеспечении». Особенно заметными стали достижения

²⁰ ГА РФ, ф. 7576, оп. 29, д. 120, л. 50.

²¹ Там же, д. 158, л. 153.

«маленькой» Венгрии. На Олимпийских играх 1948 г. в Лондоне она разделила по числу золотых (10) наград 3—4 место с Францией, ещё успешнее выступила на следующих играх в Хельсинки, где заняла третье место в неофициальном командном зачёте, завоевав 16 золотых медалей, всего на 6 меньше, чем СССР.

Следующим важным шагом в деле признания за спортсменами профессионального статуса стало принятое в 1954 г. «Положение о мастерах спорта и особо выдающихся спортсменах, входящих в состав сборных команд СССР, зачисляемых на штатные должности комитета по физической культуре и спорту при Совете министров СССР». В нём права и обязанности спортсменов определялись более детально. Если в положении от 14 марта 1950 г. на ДСО возлагалась забота о трудоустройстве мастеров, завершивших спортивную карьеру, то теперь уточнялось, что «в случае возвращения спортсменов после отчисления со штатных должностей на прежнее место работы им сохраняется непрерывность трудового стажа». Но самое главное — в новом положении был пункт, свидетельствующий о значительном прогрессе в деле юридического признания за спортсменами профессионального статуса: «Изложенные в п. 9 настоящего положения обязанности спортсменов, зачисленных на штатные должности, рассматриваются как выполнение ими служебных обязанностей в соответствии с действующим в СССР законодательством о труде»²².

И всё же уровень социальной защищённости спортсменов оставался низким. Пока они находились на окладах комитета или ДСО, занятия спортом признавались их основной трудовой деятельностью, на них распространялось законодательство о труде (предоставление ежегодного отпуска, бесплатное медицинское обслуживание, оплата больничных листов в случае болезни или травмы). Но после прекращения выступлений за сборные команды страны атлеты утрачивали немалую часть этих прав. В рассматриваемый период руководители советского спорта вели упорную борьбу с приверженцами псевдосоциалистических догм. Об этом свидетельствует отношение, направленное Н.Н. Романовым председателю ВЦСПС Н.М. Швернику (после смерти Сталина «перемещённому на профсоюзы» с поста председателя Президиума Верховного совета СССР). В документе сообщалось, что спортсмены после возвращения из состава сборной команды СССР на прежние места работы «оказывались в затруднительном положении в части оформления их правового положения за время пребывания в штате спортивных организаций». Не сохранялся непрерывный стаж работы каждого за время пребывания на персональных окладах в составе сборных команд. Романов напомнил Швернику, что эта проблема, озвученная ещё в августе 1949 г., до сих пор не решена. В результате глава ВЦСПС в условиях только начинавшейся либерализации проявил решительность, и в 1954 г. пребывание спортсмена на персональном окладе в сборной признали частью его непрерывного трудового стажа²³.

Однако не все наболевшие вопросы удалось решить (даже относительно членов сборной страны). В записке, направленной в ЦК КПСС в августе 1958 г., Романов заявил о проблеме инвалидности, наступавшей вследствие спортивных травм, предложив отнести их «к трудовому увечью»²⁴. Из контекста записки следует, что речь шла лишь об атлетах, зачисленных на персональные оклады.

²² Там же, д. 130, л. 102.

²³ Там же, д. 118, л. 20—21.

²⁴ Там же, д. 204, л. 41.

После признания за спортсменами права на пенсию по инвалидности в случае получения травмы, повлекшей потерю трудоспособности, можно считать, что растянувшийся на годы процесс оформления их профессионального статуса в основном завершился. Хотя данный статус имел временный легальный, но не публичный, а секретный характер, это не меняло его сути. В Советском Союзе была небольшая номенклатура профессий (от артистов балета до военнослужащих), представители которых заканчивали свою основную деятельность задолго до наступления пенсионного возраста. От этих групп граждан спортсмены отличались лишь непризнанием за ними права на получение пенсии по трудовому стажу на льготных условиях, что не вызывало возражений ни у атлетов, ни у спортивных руководителей.

Имело место и негативное воздействие холодной войны на процесс профессионализации спорта в Советском Союзе. В 1948 г. по незначительному поводу (поражения в товарищеских играх футбольных клубов и неудачное выступление конькобежцев на чемпионате мира) были отправлены в отставку председатель Спорткомитета Романов и несколько ответственных чиновников этого ведомства. В итоге возглавлявшие его лица (сначала Аполлонов, а затем вновь сменивший его Романов) стали перестраховываться, отказываясь отправлять на международные соревнования советских спортсменов в случае малейших сомнений в их победе. Такая практика привела к тому, что некоторые виды спорта вообще перестали культивироваться в СССР, а представители других не имели возможности соревноваться с зарубежными соперниками и совершенствоваться на мировом уровне.

В 1948 г. на совещании у Суслова Михайлов заявил, что в политике Спорткомитета в сфере большого спорта было сделано много ошибок. Например, он предоставлял стипендии мастерам спорта, достигшим «преклонного» для спорта возраста, и материально не поддерживал молодых атлетов, с которыми связывались будущие успехи. В результате этой критики были сокращены ставки для выдающихся мастеров, получавших от 2 до 3 тыс. руб., что позволило ввести дополнительные ставки для молодёжи, стремившейся в сборные команды.

В 1952 г. последовал серьёзный удар по самому крупному отряду профессиональных спортсменов — футболистам. Поводом к гневу власти стало неудачное выступление сборной по футболу на Олимпийских играх, когда в 1/8 финала она уступила Югославии в переигровке. По причине конфликта с И.Б. Тито этой встрече придавал особое значение Сталин, «лучший друг советских физкультурников» (не «спортсменов». — А.К.). Накануне переигровки он даже направил пространную телеграмму, чтобы подбодрить советскую команду. Случай уникальный, но «эффект от почти двухстраничного текста телеграммы оказался прямо противоположным, и к накопившейся физической усталости у игроков добавилась ещё и психологическая нервозность»²⁵.

В итоге команда ЦДКА, составлявшая костяк сборной, была расформирована, однако «идеологическая» проработка ударила по всем командам мастеров. «Проработка» тренеров и футболистов началась ещё в Хельсинки и продолжилась в Москве. Активную роль в кампании травли футболистов сыграл редактор газеты «Советский спорт» Н.И. Любомиров, направивший 11 ноября

²⁵ Прозуменщиков М.Ю. Обратная сторона советского футбола // Игра миллионов под партийным контролем. Советский футбол по документам ЦК КПСС / Под ред. Н.Г. Томилиной и М.Ю. Прозуменщикова. М., 2017. С. 28.

1952 г. записку секретарю ЦК КПСС Г.М. Маленкову. По мнению Любомирова, «провал» стал следствием того, «что футбол превращается из мероприятия спортивного в мероприятие зрелищное»²⁶. Этот ключевой тезис — иллюстрация положения, в котором находилась спортивная пресса в 1940—1950-х гг. Номенклатурный представитель ведущего спортивного СМИ упрекал советский футбол в зрелищности. Однако именно она, собирая полные стадионы болельщиков, и привлекала зрителей, благодаря которым футбольные команды должны были находиться на самоокупаемости. Такая «критика» показывает, что советские СМИ даже не пытались представить себя самостоятельными субъектами политики государства в сфере спорта. Выполняя заказ Спорткомитета, свою главную задачу Любомиров видел в том, чтобы с идеологических позиций нанести удар по зарвавшимся и зазнавшимся мастерам футбола: «Известно, что в настоящее время в стране на государственной стипендии содержится 33 футбольных команды с наличием в них около 900 футболистов»²⁷. Это была секретная информация: по мнению власти, советским людям не следовало знать о деньгах, которые за участие в матчах получали футболисты. Более того, лучшим из них после такого публичного признания мог быть закрыт путь на Олимпийские игры.

Неудачи футболистов на международной арене Любомиров связывал с серьёзными «пороками» в их воспитании и системе поощрения спортсменов: «Основным, если не единственным, стимулом для футболистов была материальная заинтересованность». Редактор «Советского спорта» бичевал практику их фиктивной занятости на производстве, в воинских частях, различных ведомствах, а также получения спортсменами вознаграждений за успешные выступления, недостаточной загруженности игроков тренировками. «Благодаря такому образу жизни, — утверждал он, — футболисты отвыкли от трудовой деятельности, привыкли к роскошной и лёгкой жизни и вследствие своей низкой культуры легко подвержены различным вредным влияниям и моральному разложению». Предложения редактора газеты сводились к возврату отечественного футбола на рельсы полупрофессионализма, «а персональные оклады должны назначаться только в том случае, если спортсмен работает или учится»²⁸.

На фоне недовольства советского руководства неудачным выступлением футболистов на Олимпийских играх данное письмо имело серьёзные последствия. К тому же, по мнению Романова, чрезмерное внимание к футболу вредило развитию других видов спорта. В результате достигнутого консенсуса между властью, Спорткомитетом и прессой спортсменам сократили должностные оклады (например, максимальная ставка составляла не 3, а 2 тыс. руб.), изменили и порядок получения премий. Однако Спорткомитету удалось «отбиться от идеологических наскоков» «комсомольцев» и прессы. За этими спортсменами негласно признавался их профессиональный статус, одновременно комитет получил право переводить в низшие категории «снизивших уровень игры» футболистов.

²⁶ Записка редактора газеты «Советский спорт» Н.И. Любомирова о серьёзных недостатках в развитии советского футбола // Игра миллионов под партийным контролем... С. 147.

²⁷ Там же. С. 147.

²⁸ Там же. С. 150—152.

Решение направить 30—40 человек в школу тренеров с сохранением за ними денежного содержания за счёт средств ДСО²⁹ стало положительным моментом для завершивших карьеру футболистов (все, достигшие 30 лет, признавались бесперспективными). Государство взяло на себя ответственность за приобретение профессии бывшими элитными футболистами, многие из которых не имели ни образования, ни квалификации, которая позволила бы им адаптироваться в дальнейшей жизни. Впрочем, такая забота оказалась не вполне бескорыстной: в Спорткомитете не скрывали, что надеялись с помощью выдающихся мастеров, перешедших на тренерскую работу, провести ротацию соответствующих кадров в футбольных клубах.

Сложнее обстояло дело со статусами атлетов в других видах спорта. И здесь спортивные практики вошли в противоречие с идеологическими догмами. Для успешной подготовки к крупнейшим международным соревнованиям следовало позаботиться о подготовке молодой смены, которая бы составила конкуренцию признанным мастерам. Учитывая реальные послевоенные трудности с обеспечением спортсменов продуктами³⁰, были необходимы организация их бесплатного питания и выплата стипендий самым перспективным. Но ЦК ВЛКСМ не смог обойтись без «принципиальной» критики относительно «денежной подпитки» спортивной молодёжи.

Стремительный рост числа чемпионатов мира и Европы, в которых принимали участие атлеты Советского Союза, подготовка к Олимпийским играм 1952 г. потребовали распространения практики назначения на оклады новых членов и кандидатов в сборные команды страны. Однако в условиях разрастания бюрократического аппарата в последние годы сталинского режима процесс «выбивания» новых ставок даже для членов сборных команд осложнялся наведением порядка в деле оплаты труда спортсменов, введением персональных и штатных окладов для наиболее выдающихся мастеров, легализацией их занятий спортом в качестве профессиональной деятельности. В 1952 г. по поручению Совета министров СССР предложение Спорткомитета «об увеличении штатных единиц и персональных окладов для мастеров спорта и способных молодых спортсменов» было вынесено на рассмотрение и согласование Министерства финансов, Государственной штатной комиссии при Совете министров СССР и работавшей при его президиуме комиссии зарплаты и цен.

Речь шла о 200 ставках (30 — по 2 500 руб., 30 — по 2 000 и 140 — по 1 200 руб.), но чиновники из комиссии по штатам, зарплатам и ценам так и не представили внятного ответа. Лишь заместитель министра финансов А.А. Посконов обосновал свой отказ: «В настоящее время на рассмотрении Совета министров СССР находится проект постановления “О подготовке советских спортсменов к участию в XV Олимпийских играх”, согласно которому руководители ведомств должны освобождать участников от работы или учёбы в период подготовки и участия в... Олимпийских играх сроком до 6,5 месяцев спортсменов, по спискам комитета... с сохранением заработной платы по месту их работы»³¹.

²⁹ Там же. С. 156.

³⁰ См. подробнее: *Зубкова Е.Ю.* Советское послевоенное общество...; *Фильцер Д.* Опасности городской жизни в СССР в период позднего сталинизма. Здоровье, гигиена и условия жизни. 1943—1953. М., 2018.

³¹ ГА РФ, ф. 7576, оп. 29, д. 100, л. 88—89.

Руководство Спорткомитета тшетно пыталось получить средства для материальной поддержки кандидатов в сборные команды, так как Министерство финансов хотя и было готово в принципе поддержать чрезвычайные траты бюджета, но не пожелало санкционировать расширение узкого легального слоя профессионального спорта. Если же рассмотреть отказ этого ведомства через «призму подготовки к Олимпийским играм», то обнаружится существенный изъян: за студентами и учащимися сохранялись стипендии, но размеры их, конечно, не позволяли молодым спортсменам без дополнительных источников финансирования полноценно питаться, чтобы компенсировать расходы калорий на тренировках.

Спорткомитет всё же проявил настойчивость, разъясняя партийно-государственным властям необходимость введения новых окладов. Мотив был прежним: опередить конкурентов, прежде всего из США и других буржуазных стран. Распоряжением Совета министров СССР от 21 декабря 1953 г. были установлены 1 079 персональных и должностных окладов для особо выдающихся спортсменов и их тренеров, а также мастеров спорта, входивших в состав сборных команд. Всего предлагалось выплатить 330 ежемесячных окладов — от 2 до 3 тыс. руб. (за счёт сметы комитета) и 749 окладов — от 800 до 1 600 руб. (ДСО)³².

В связи с приближением VII зимних и XVI летних Олимпийских игр 1956 г. Спорткомитет настаивал на выделении 545 новых ставок: 245 — для мастеров спорта и 300 — для молодых спортсменов. Спортивные руководители исходили из того, что молодые и честолюбивые атлеты должны получить возможность сконцентрироваться на тренировках, дабы составить конкуренцию ветеранам за попадание в сборные команды страны. Во всяком случае, перспективные молодые спортсмены имели бы материальный стимул готовиться к следующим Олимпийским играм и успешно выступать на чемпионатах мира и Европы. Однако министерские чиновники не заглядывали в не столь уж отдалённое будущее и фактически игнорировали утверждённые планы подготовки мастеров спорта на очередную пятилетку. Например, в ответе Министерства финансов на просьбу Спорткомитета о новых ставках от 30 декабря 1955 г. указывалось: нет возражений против установления ему «дополнительно 245 окладов для мастеров спорта, в том числе 112 окладов по 1 400 руб. и 133 оклада по 1 200 рублей в месяц, с выплатой этих окладов за счёт смет добровольных спортивных обществ. Министерство финансов СССР не поддерживает предложения комитета об установлении 300 должностных окладов молодым спортсменам и 12 окладов штатным массажистам»³³.

Крайне ограниченный контингент массажистов, необходимых для физической реабилитации спортсменов после тяжёлых нагрузок, в духе времени отнесли к ненужным «излишества». Справедливости ради, замечу, что в официальных письмах в ЦК или Совет министров руководство Спорткомитета не упоминало о подготовке спортивных резервов к предстоящей через пять лет Олимпиаде, предпочитая ссылаться на существующую практику. Так, неудачи баскетболистов, волейболистов, хоккеистов и ватерполистов в 1955 г. объяснялись отсутствием сильных клубных команд. Для повышения конкурентоспособности советских спортсменов на международной арене предлагалось создать

³² Там же, д. 175, л. 11.

³³ Там же, л. 12.

от 7 (водное поло) до 12 (хоккей) штатных команд, которые бы тренировались и соревновались в течение года³⁴.

И всё же в 1940—1950-х гг. Спорткомитет последовательно (вне зависимости от того, кто его возглавлял) добивался, чтобы подававшую надежды молодёжь включили в сферу профессионального спорта. Оклады стали назначать не только мастерам спорта, но и перспективным перворазрядникам. «Спортивные» деньги, получаемые студентами и особенно школьниками, возмущали комсомольское руководство и отчасти журналистов. Например, в «Комсомольской правде» вышла статья В.К. Хомуськова о 2-й Всесоюзной спартакиаде учащихся, где содержались критические замечания относительно выступлений московских школьников за сборные команды ДСО³⁵.

Ответом Спорткомитета на данную публикацию после полуторамесячного молчания стала докладная записка в ЦК КПСС с обвинениями в адрес редакции газеты о разглашении «государственной тайны» — о содержании на государственной стипендии выдающихся спортсменов, находившихся в составах сборных команд Советского Союза³⁶.

Комсомольские функционеры с догматических позиций боролись против практики выплаты школьникам спортивных стипендий. Заведующий военно-физкультурным отделом МГК ВЛКСМ Гусев в направленной в ЦК комсомола записке с возмущением писал: «За последнее время нам стало известно, что ряд московских школьников-спортсменов получают в различных спортивных организациях стипендии в размере 600—800 рублей... В большинстве случаев назначение стипендий производится только на основании спортивных результатов, не учитывается материальное положение семьи, поведение и общественное лицо школьника... в ряде случаев стипендии получают школьники, родители которых материально хорошо обеспечены и, следовательно, могут создать все материальные условия для успешных занятий спортом»³⁷.

Сегодня утверждение Гусева кажется курьёзом, но тогда секретарь ЦК ВЛКСМ В.Е. Семичастный поддержал своего коллегу: «По нашему мнению, необходимо пересмотреть систему оплаты спортсменам-школьникам»³⁸. В сложившейся ситуации глава Спорткомитета Романов проявил себя как больше всего дороживший занимаемым креслом чиновник: он фактически перестал лоббировать интересы советских заслуженных мастеров спорта, победителей Олимпиад, чемпионатов мира и Европы, мировых и европейских рекордсменов, а также их тренеров. Под влиянием комсомольских вождей, аппаратчиков из ЦК и Совета министров Романов поддерживал, а иногда формально даже инициировал сокращение размера ставок для выдающихся мастеров, уменьшал размеры начисленных спортсменам премий за победы на международных соревнованиях и за установление всесоюзных, европейских и мировых рекордов. Разумеется, это был не его собственный выбор, а влияние внутри- и внешнеполитических условий. Сложная международная обстановка (возникновение НАТО, затем Варшавского договора; Корейская война, в которой Советский Союз принял активное участие; создание в СССР атомной и водородной бомб,

³⁴ Там же, д. 158, л. 154.

³⁵ Хомуськов В.К. Он у нас в штате // Комсомольская правда. 1955. 21 августа.

³⁶ ГА РФ, ф. 7576, оп. 29, д. 158, л. 147.

³⁷ Там же, д. 176, л. 14—15.

³⁸ Там же, л. 15.

что привело к ядерному противостоянию двух блоков; «братская помощь» странам, вставшим «на путь строительства социализма», не говоря уже об антикоммунистических и антисоветских выступлениях в ряде стран Восточной Европы) потребовала рационального подхода к использованию материальных ресурсов государства.

При Хрущёве (который, как и большинство руководителей страны, оставался безразличным к спорту, хотя его имя носил центральный стадион в Киеве) известные спортсмены стали удобным объектом критики (всегда на виду, а заступиться за них «наверху» некому). Наиболее опасная для судеб профессионального спорта критика шла из ЦК КПСС, ВЛКСМ и министерств.

26 января 1955 г. заведующий отделом здравоохранения и социального обеспечения Совета министров СССР В.П. Похвалин в докладной записке заместителю председателя Совета министров СССР М.Г. Первухину предложил «пересмотреть существующий порядок денежного премирования спортсменов, имея в виду при этом уменьшение размера премий, отмену денежного премирования по второстепенным видам спорта, сокращение перечня спортивных упражнений, по которым выдаются премии, сохранив в нём лишь наиболее ценные упражнения»³⁹. По мнению автора, существовавший порядок премирования в спорте приводил «к расходованию излишне больших государственных средств» и не способствовал «развитию наиболее ценных видов спорта». Как следует из приведённых им примеров, наиболее «ценными» для него являлись рекордные полёты лётчиков, планеристов и парашютистов (имели оборонное значение). Учитывая логику холодной войны и миф о советском любительском спорте, чиновник предупреждал, что если принять устоявшийся порядок премирования, то «основным стимулом к достижению высокого спортивного результата у спортсменов будет получение денежной премии»⁴⁰.

Хотя резолюция Первухина не имела категорического характера («Доложите Ваши соображения по этому вопросу»), но ознакомившийся с ней Романов воспринял это как руководство к действию по пересмотру порядка выдачи премий и их размеров. Замечу, что неоднократно пересматривавшаяся система награждения премиями была недостаточно продуманной и оставляла слишком большую свободу действий со стороны руководства Спорткомитета. Система премирования спортсменов и тренеров базировалась на постановлениях правительства от 28 сентября 1945 г. и 2 июля 1947 г., по которым комитету предоставлялось право самостоятельно выдавать спортсменам денежные премии. Его руководители, готовившие проекты упомянутых постановлений, оставили себе значительное пространство для манёвра. В результате в 1946 — начале 1950-х гг. руководство Спорткомитета проявило явный волюнтаризм, назначая «любимчикам» более высокие премии. Так, в 1949 г. легкоатлеты, установившие всесоюзные рекорды, получили разные премии: С.В. Комаров (дистанция 400 м) — 5 тыс. руб., по той же ставке Т.Т. Лунёв (200 и 400 м с барьерами) — 10 тыс., Е.Н. Буланчик (100 м с барьерами) — 7 тыс., А.С. Канаки (метание молота) — 10 тыс. (в последнем случае руководство даже предложило 15 тыс. руб., что не соответствовало допустимым нормативам)⁴¹.

³⁹ Там же, д. 158, л. 11.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, д. 41, л. 170.

В погоне за цифрами отчётности Спорткомитет готов был платить за рекорды на нестандартных дистанциях такие же суммы, как и в классических видах, на дистанциях, входивших в программу Олимпийских игр и чемпионатов Европы. Например, тот же Лунёв получил одинаковые вознаграждения за победу в классических 400 м с барьерами и в редко проводившихся соревнованиях на дистанции 200 м с барьерами. Барьерист Буланчик по необъяснимой причине за всесоюзный рекорд получил больше, чем другие бегуны-рекордсмены на 2 тыс. руб., а метатель молота Канаки, по сравнению с бегунами, — на 5 тыс. руб.

Ещё курьёзнее выглядит история награждения премией в том же году Н.В. Смирницкой за новый рекорд СССР в метании копья — 53 м 41 см, превышавший на 5 м 20 см официальный мировой. Комиссия по премиям планировала наградить спортсменку за этот выдающийся результат 25 тыс. руб., но в процессе визирования главный бухгалтер Спорткомитета С.И. Пирогов вдруг решил ограничиться 20 тыс. руб., а тренера Смирницкой В.И. Алексеева предложил почему-то премировать только в конце года. Однако председатель комитета Аполлонов по каким-то личным пристрастиям и вовсе вычеркнул фамилию тренера из списка награждённых. Вероятно, председатель посчитал, что Алексеев, выигравший в 1948 г. в пятый раз чемпионат СССР в метании копья, слишком молод для денежного вознаграждения в качестве тренера. Также Аполлонов сократил премию и самой мировой рекордсменки до минимального размера — 15 тыс. руб.⁴² Похожие истории происходили и при награждении премиями пловцов, гимнастов, штангистов.

Общим итогом влияния холодной войны на советский спорт стало формирование в СССР системы государственного спорта, с секретной, но признанной властью, профессионализацией мастеров спорта. В этой системе, располагавшей ограниченными ресурсами, спортивные функционеры уделяли особое внимание спорту высших достижений («большому спорту») и подготовке ближайшего резерва для сборных команд страны.

В результате этой политики увеличилось число мастеров спорта, устанавливались рекорды в тех его видах, где счёт шёл на часы, минуты и секунды. Процесс профессионализации происходил «вглубь» — по пути постепенного признания государством того, что спорт высших достижений — это работа (хотя и временная) с правом каждого спортсмена на вознаграждение, оплачиваемый отпуск, сохранение за ним трудового стажа (общего и непрерывного). Профессиональный спортсмен уже имел право на лечение, при серьёзной травме — на пенсию по инвалидности, полученную на работе, а также на поступление в учебные заведения спортивного профиля.

Хотя во время холодной войны советские руководители спорта, спортсмены и тренеры (сектор «большого спорта») испытывали на себе неимоверное идеологическое давление, тем не менее руководители Спорткомитета проводили линию на сотрудничество со всеми международными организациями, допуская политические заявления лишь по прямому указанию ЦК КПСС и Совета министров СССР.

За выезжавшими за границу атлетами устанавливался надзор не только по линии госбезопасности, но и со стороны руководителей спортивных делегаций. С 1952 г. им следовало информировать начальство о поведении спортсменов и

⁴² Там же, л. 38.

тренеров за рубежом⁴³. В результате такого усиленного контроля и поощрения доносительства десятки атлетов были дисквалифицированы и расформирована сборная страны по водному поло. Эти последствия борьбы с «негативными явлениями» в спортивной среде сломали судьбы целому ряду талантливых атлетов, а Советский Союз лишился «считанных» руководством Спорткомитета олимпийских медалей.

⁴³ Там же, д. 89, л. 96.